

Всяк суший нам язык

В.Иванов. "Московские сезоны театра "Габима". Москва. 1999

С большим удовольствием прочитала я только что вышедшую в свет книгу В.Иванова. Она интересна по самым разным соображениям, обращена к самым разным слоям общества — к художественной интеллигенции, профессиональному читателю и широкой публике, умеющей ценить прекрасное, и, наконец, к самим представителям власти, которые должны бы вынести из чтения этой книги серьезные нравственные, политические уроки. Книга В.Иванова вышла действительно "кстати", как любили говорить еще в XVIII веке о наиболее современных произведениях искусства и литературы. Рассказывая о создании в 20-х годах в России еврейского театра "Габима", играющего на древнееврейском языке иврит, автор приходит к заключению: нет языков устаревших, если на них говорит высокое искусство, если обращено оно не только к своей диаспоре, но также к далекой эмиграции, но сразу ко всей планете, в вечном фокусе которой — и классическая Греция, и мону-ментальный Египет, и загадочный Восток, и европейский Ренессанс, и прибежище расселенных по миру — Библия, и всепрощающее Евангелие, и старорусская письменность, и таинственная клинопись детства цивилизации. Словом, все, чем одарило само себя человечество. Молодой театр "Габима" хотел включить еврейский народ в мировой этнос, мировую культуру, хотел поведать не о несчастных местечковых нищих, вся радость которых в светлой субботе, но о гордых людях с прямой спиной, которые вместе с другими народами ищут и строят свои обетованные земли. И сейчас, когда бушуют распри, низвергающие нас с высот цивилизации в низины дикости, появление такой книги, зовущей к единению народов и языков, братской дружбе вместо братоубийственных войн, необычайно важно. Важно и то, что корни "Габимы" и ее прославленного спектакля "Гадибук" зародились в недрах русской культуры, у истоков этого вдохновенного спектакля стояли Станиславский и Вахтангов, Горький и Шалапин, Михаил Чехов и Алексей Дикий, многие другие деятели русского искусства, не знавшие узких национальных ограничений, видевшие таланты там, где национальная почва была лишь начальной станцией успеха, конечной станцией не было. Книга о "Габиме" — это и книга о великом русском режиссере Вахтангове, первом пришедшем на помощь молодому театру, это его фантастический гений вложен в спектакль "Гадибук", потрясший сначала Москву, затем Россию, а потом все страны, куда театр выезжал на гастроли. Совершенно по-новому раскрывается на этих страницах фигура Вахтангова, наиболее известного русской театральной культуре другим своим замечательным творением — "Принцессой

Сцена из спектакля "Гадибук". Танец нищих

Турандот". Только соединив в сознании людей два этих спектакля — трагедию и комедию, миф и сказку, жесткий гротеск и озорные маски, — мы поймем, как считает автор этой книги, величие вахтанговского таланта, оставившего театральному Олимпу целостный театр. Театр имени Вахтангова плюс "Габима"; "Габима" плюс Театр имени Вахтангова. В.Иванов выбрал, по-моему, неизбитый, оригинальный путь исследования, строго отобранные факты читаются как увлекательное повествование, факт не давит на фантазию, документ не глушит гипотезу. Каждая свободно написанная глава, где воссозданы габимовские спектакли, чередуется с главой фактологии, подкрепляющей реалии происходившего, закрепляющей летучее, уносимое временем искусство театра. Примечательно, что в книге этой нет и тени альковной, эротической развлекательности, как это принято в наших новых трудах о театре. Оказывается, великие тайны искусства разгадывать куда интереснее, нежели мелкие тайны личной жизни художников, драма на профессиональном поприще куда серьезнее для постижения актерского творчества, чем драмы бытовые, с бесконечными браками, вечными разводами, постоянными беременностями, а если уж очень повезет — и с нетрадиционными сексуальными ориентациями. Ничего не скрыто автором из истории "Габимы" — ни тяжкое давление набирающей силу молодой советской власти — все новое, оригинальное представлялось недостаточно советским, ни наличие более мрачных событий — борьбы самих художественных коллективов друг с другом, столкновения тщеславий, жажды нового места под новым солнцем. С одинаковым ужасом, подлинным сердечным волнением читаются и протоколы "средневековых" обсуждений тех или иных спектаклей, и письма-доносы вроде бы "своих" коллег по художественному цеху, мечтающих что-то непременно закрыть, противопоставить своей политической благонаме-

ренности. Звучит горькое предупреждение современным деятелям искусства, кто черпает свои радости не в собственном творчестве, но в обличении других мастеров, не в создании единого культурного пространства, но как раз в губительном его разрушении. Из истории "Габимы" вырисовывается здесь поразительная картина: в голодной, холодной Москве 20-х годов расцветает великое театральное искусство, звучат не сходящие отныне с уст имена режиссеров и артистов, уже прошедших часть творческой пути и начинающих свои искания. Беспримерное, поистине моцартовское дарование вахтанговцев. Новые и новые лики Арлекина советской сцены — Мейерхольда. Изящно-хрупкие декадентские спектакли-цветы Таирова. Трагикомический гений Михаила Чехова. В уже прославленный этот хор влетают голоса новые, голоса габимовские. А над всем молодым этим Олимпом царят Боги: Аполлон — Станиславский, Зевс — Немирович-Данченко. И становится ясной еще одна странная, диалектическая истина: высоты духа и житейское, и государственное спокойствие далеко не всегда совпадают. Напротив, именно искусство зачастую помогает людям скорее обрести полноту существования. В этом смысле книга В.Иванова прямо перекликается с современностью — бытование многоцветного искусства ни тематически, ни эстетически не совпадает с общественными коллизиями времени. Хорошо ли это, дурно ли, покажет будущее. Но определяющее расхождение искусства и существования людей есть. Из вахтанговско-габимовской эпохи мы выносим еще и то, что не тождественное совпадение сцены с жизнью, но как раз острое от нее отторжение дает иногда искусству сильные собственные соки. История "Габимы" непроста, драматична, во многом печальна. История театра всеобщего всегда оптимистична, устремлена к потомкам.

Инно ВИШНЕВСКАЯ

Моск
Театр

9.99